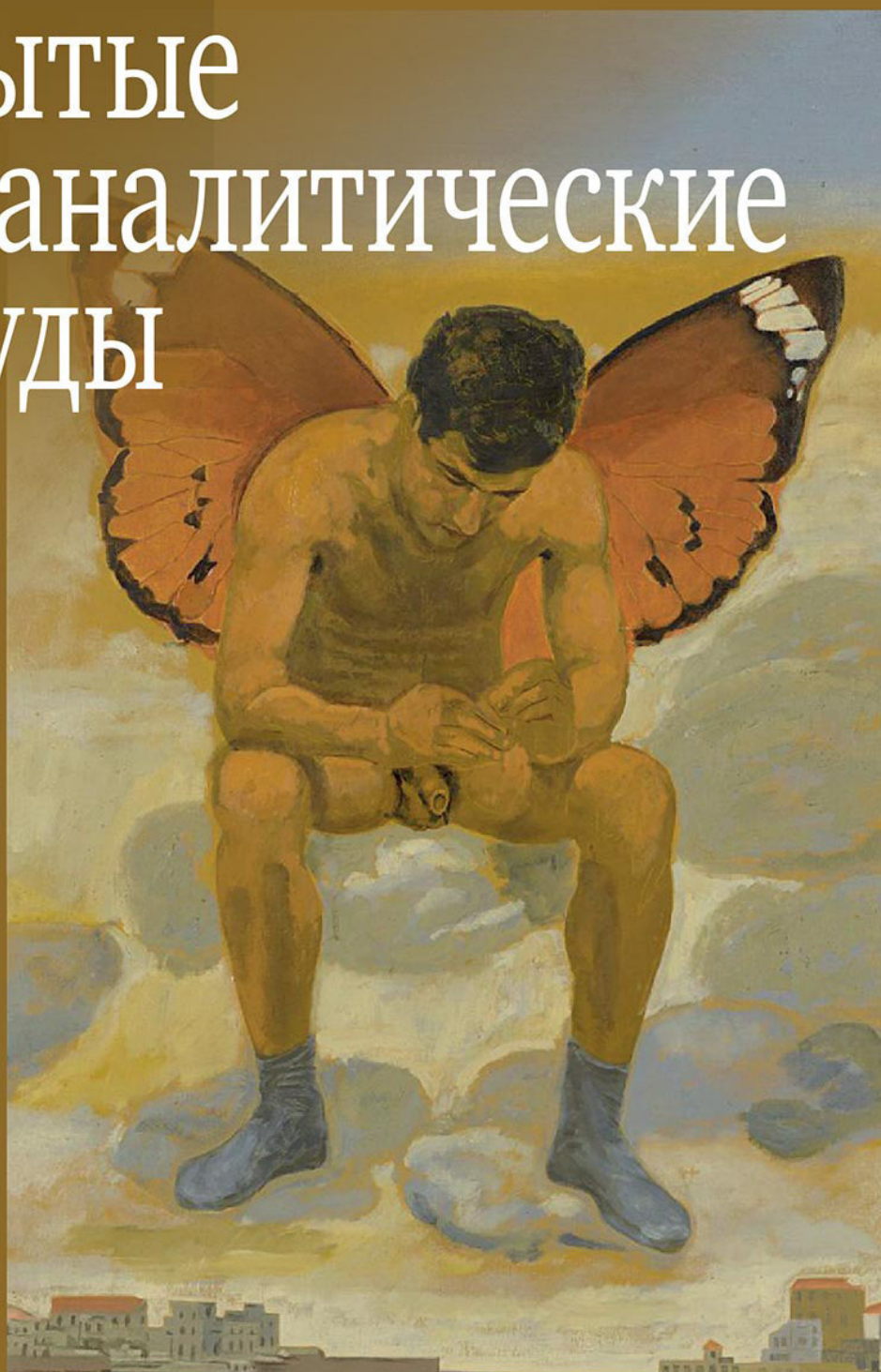

**Библиотека
психоанализа**

**Г. Малис
А. Гербстман
Я. М. Коган
М. В. Вульф
И. А. Перепель**

Забытые психоаналитические труды

Библиотека психоанализа

Яков Коган

Забывтые

психоаналитические труды

«Когито-Центр»

2021

УДК 159.9
ББК 88

Коган Я. М.

Забывтые психоаналитические труды / Я. М. Коган — «Когито-Центр», 2021 — (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-5-89353-632-4

В книгу вошли психоаналитические исследования, изданные в России в середине 1920-х годов. Некоторые из них со временем были запрещены, другие никогда не переиздавались в России или были опубликованы впоследствии малым тиражом. Эти работы дают представление об оригинальных направлениях прикладного российского психоанализа на раннем этапе его становления и будут интересны не только историкам психоанализа, но и как документы культурной жизни той эпохи. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-632-4

© Коган Я. М., 2021
© Когито-Центр, 2021

Содержание

Малис Г., Гербстман А., Вульф М. В., Коган Я. М., Перепель И. А.	5
Предисловие составителя	6
Психоанализ коммунизма[1]	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Малис Г., Гербстман А., Вульф М.
В., Коган Я. М., Перепель И. А.
Забытые психоаналитические труды**

© В. Лейбин, 2021

© Когито-Центр, 2021

* * *

Предисловие составителя

Будучи аспирантом и младшим научным сотрудником Академии наук СССР, в 1970-е годы я большую часть времени проводил в библиотеках, читал работы зарубежных и отечественных психоаналитиков. В то время доступ к психоаналитической литературе, особенно в спецхранах, могли иметь только философы и медики. Причем, если в Ленинской библиотеке читатель мог не только знакомиться с психоаналитическими работами, включая труды З. Фрейда, но и делать записи в свои тетради, унося эти заметки домой, то в медицинской библиотеке для конспектов выдавались специальные листы бумаги со штампом, они оставались в спецхране, и читатель не мог брать их с собой. Удивительно, но данный факт в советской истории соответствовал замечанию З. Фрейда, что именно медики были против первоначального распространения психоанализа и что в дальнейшем именно они стали преобладать в психоаналитическом движении многих стран мира, в результате чего психоанализ стал, как считал его основатель, придатком психиатрии.

Надо сказать, что в России психоаналитические идеи распространились гораздо раньше, чем в зарубежных странах. Почти все работы З. Фрейда, начиная с 1904 по 1930 год, переводились на русский язык. Причем ими интересовались не только медики, но и философы, психологи, воспитатели, литературоведы и другие специалисты, которых привлекали новые подходы к исследованию тех или иных проблем. И если в зарубежных странах главным образом интересовались клиническим психоанализом, то в России большое место занимал прикладной психоанализ, связанный с исследованиями в области гуманитарных наук.

Занимаясь в различных библиотеках Москвы, я интересовался теми психоаналитическими работами, которые выходили в печати до 1930-х годов, после в СССР возобладала тенденция, связанная с осуждением психоанализа и фрейдизма, что отождествлялось с «троцкистской пропагандой». В 1970-е годы я делал ксерокопии тех работ, которые читал, в результате у меня образовался личный архив, к которому время от времени я обращался. В 1990-е годы я опубликовал первую хрестоматию по психоанализу в России, где содержались работы, изданные до Первой мировой войны и после Октябрьской революции. В хрестоматию «Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль» (М., 1994) входили произведения Н. Осипова, В. Лихницкого, В. Рахманова, И. Вырубова, А. Залкинда, А. Лурии, А. Деборина, И. Григорьева, Б. Быховского, Л. Выготского, В. Волошина, М. Ширвиндта, П. Блонского.

Затем я познакомился с философом В. И. Овчаренко, который тоже интересовался историей психоанализа в России. Мы подружились и в течение нескольких лет подготовили два фундаментальных тома «Антологии российского психоанализа» (М., 1999. Т. 1–2), в которые вошли статьи, книги, архивные документы, связанные с распространением психоаналитических идей в России.

Позднее я подготовил хрестоматию «Отечественный психоанализ» (М., 2001), в которую вошли работы 1910–1920-х годов и произведения, связанные с психоанализом в 1960–1980-е годы, когда некоторых ученых вновь стали привлекать психоаналитические идеи и методы. Надеюсь, что данные публикации способствовали тому, что в конце 1980–начале 1990-х годов психоанализ в России стал возрождаться. Появились психоаналитические институты, общества и группы, где люди профессионально стали заниматься клиническим и прикладным психоанализом.

Время от времени я перебирал личный архив с психоаналитическими материалами. К сожалению, работа и семейные хлопоты не позволяли сосредоточиться на публикации того, что находилось в личном архиве.

Но в начале 2020 года во время пандемии коронавируса в результате самоизоляции образовалось свободное время, и я использовал его для подготовки к публикации тех материалов,

которые хранились в моем личном архиве. Это касалось шести редкостных работ, опубликованных в 1920-е годы в России, но так и не изданных впоследствии в нашей стране. Правда, некоторое время назад при встрече с редактором издательства «Ergo», специализировавшегося на психоаналитической литературе прошлых лет, я показал ей ксерокопию работы И. Перепеля. С моего разрешения она скопировала и позднее опубликовала этот труд (*Перепель И. Анализ одного убийства из ревности. Научно-популярный криминалистический психоаналитический этюд. Ижевск, 2011*). Работа вышла небольшим тиражом, поэтому я счет возможным включить этюд И. Перепеля в данный сборник.

Все остальные работы публиковались только в 1920-е годы. Они не были включены ни в «Антологию российского психоанализа», ни в хрестоматии отечественного психоанализа и не были известны современным психоаналитикам. Работа Г. Малиса «Психоанализ коммунизма» (1924) вскоре оказалась под запретом. В Ленинской библиотеке я нашел только библиографическое описание этой работы, в 1940-е годы она была изъята. Позднее все-таки мне удалось найти эту книгу, она сохранилась у одного из моих сотрудников, видимо, была приобретена его родителями. Так у меня оказалась копия работы Г. Малиса, запрет которой, как я понимаю, был связан только с тем, что автор с самого начала в качестве эпиграфа привел высказывание Л. Троцкого и несколько раз сослался на его труды.

Работы А. Гербстмана «Психоанализ шахматной игры (опыт толкования)» и М. Вульфа «Психология детских капризов» вышли в 1925 году. Насколько я знаю, никто из современных психоаналитиков не ссылаясь на работу А. Гербстмана, и об авторе нет никаких упоминаний. Что касается М. Вульфа, то З. Фрейд считал, что этот автор плодотворно развивал психоаналитические идеи в Одессе до Первой мировой войны и даже однажды сослался на него, но нет каких-либо высказываний о его работе «Психология детских капризов», написанной в Москве на материале дневников воспитанников детского дома, работники которого интересовались психоаналитическими идеями (Россия была одной из первых стран, в которых существовал детский психоанализ).

И наконец, в данное издание включена работа Я. Когана «Отождествление и его роль в художественном творчестве» (1926), посвященная психоаналитическому пониманию субъектной и объектной идентификации, сублимированию, идентификации в сновидениях, творчестве, художественной литературе и в системе воспитания.

Мне представляется, что все пять работ, написанных в 1924–1927 годы и имеющих дело с прикладным психоанализом, являются не только уникальными, важными, но и способствующими пониманию того, как и в каком направлении развивались психоаналитические идеи в нашей стране. Думается, что современные психоаналитики и те специалисты, которые занимаются историей интеллектуальной мысли в России, найдут для себя в данной публикации много полезного, способствующего творческому мышлению и исследованию различных областей человеческой жизни.

В. Лейбин

Сентябрь 2020 г., Москва

Психоанализ коммунизма¹

Георгий Малис

Что же такое наша революция, если не бешеное восстание против стихийного бессмысленного биологического автоматизма жизни... во имя сознательного, целесообразного, волевого и динамического начала жизни?

Л. Троцкий

Одна из самых изящных сказок Андерсона – его маленький рассказ, напоминающий рисунки севрского фарфора, – рассказ о сером утенке.

Утка высидела из яйца молодого лебедя. Весь скотный двор разгневан. Такой птицы ни разу не видал еще курятник. Петух колотит неуклюжего птенца. О всеобщем падении нравов верещат индейки. Из темных луж несется возмущенное кваканье лягушек.

Прошел год. Свежий зеленью покрылись деревья. Первые весенние лучи, прыгнув в озеро, плещутся веселым каскадом. Лебедь видит в воде свои белые, созданные для полетов крылья, слышит призывные крики товарищей и плавно поднимается ввысь.

Психоанализ тоже был в науке долгое время серым утенком. Когда теория д-ра Зигмунда Фрейда впервые появилась на свет, точно так же возмутились ученые петухи и индейки, а также злобно заквакали лягушки. Весна психоанализа пришла не скоро. Двадцать пять лет понадобилось Фрейду для того, чтобы подняться на почти недостижимую для его противников высоту. Миновало то время, когда психоаналитикам в Германии не подавали руки, когда их доклады в медицинских обществах в лучшем случае оставались без разбора. Сейчас Фрейд – профессор Венского университета. Многие его ученики и товарищи стоят во главе кафедр. Серый утенок становится лебедем.

Не случайность, что у нас психоанализу предоставлены такие возможности для развития. Не случайность, что в Швейцарии в свое время был уволен директор учебного заведения за то, что он был сторонником Фрейда, а у нас Психоаналитический институт существует на государственные средства.

И именно сейчас, когда фрейдизм становится признанным научным течением, когда началась общая переоценка ценностей, определяющих интеллектуальное развитие человечества, – сейчас настало время вынести психоаналитическую работу за стены медицинских и педологических лабораторий – и, если не детально изложить, то познакомить с новым научным методом широкую публику.

I. Теория Бессознательного

Ни во что потустороннее, сверхъестественное мы сейчас не верим. Крупному общественному или личному несчастью, самым непонятным явлениям психики нашей мы всегда найдем реальное, вполне возможное обоснование. Зато непосредственно вблизи себя, в обыденной жизни человека, мы могли бы заметить ряд факторов, выходящих за пределы этого нормального объяснения. В течение дня каждый из нас совершает так называемые «случайные действия». Вместо одного слова мы произносим другое (обмолвка). Зачастую от бесплодной борьбы с лежащим вне сознания прошлым и совершаем свой великий прыжок, забываем какой-либо предмет – карандаш, ручку. Наконец, самое обычное – это собственно «случайные действия». Вы никак не соберетесь отправить важное письмо;

¹ Текст приводится по изданию: Малис Г. Психоанализ коммунизма. М.: Космос, 1924. С. 87.

куда-то заложили необходимую вам книгу, так что не можете ее найти; забываете купить самый нужный предмет, хотя проходите мимо магазина.

Все эти мелочи объяснения обычно не находят. В крайнем случае говорят, что «случайные действия» бывают с нами тогда, когда мы устали, рассеянны. Другими словами, все наши обмолвки, описки, забывания есть результат только временного расстройства нашей психики.

Более внимательное наблюдение поставит это объяснение под вопрос. Прежде всего, обмолвки и забывания бывают у нас при самом спокойном, нормальном состоянии. Далее, какими бы мы ни были усталыми или взволнованными, существует целый ряд автоматических действий, которые мы исполняем с механической точностью. Музыкант, у которого дома большое горе, на сцене методически исполняет свою пьесу. Волнение мы можем рассматривать лишь как подсобный фактор, помогающий чему-то проявиться, нарушить правильный ход психической жизни, вызвав случайное действие.

Со странным пренебрежением относимся мы к нашей психике. Когда мы гуляем по лесу и видим, как падает срубленное дерево, мы ведь не скажем, что это – «случайность», что дровосеки могли рубить сосну, а упал дуб. А между тем, когда вы вместо одного слова произносите другое, забываете свой карандаш, именно карандаш, а не ручку или часы, вы говорите, что это произошло случайно!

Основным фактором, который должен был бы заставить нас относиться более внимательно к «случайным действиям», является их *навязчивость*. Если вы чувствуете, что забудете что-либо – никакие ухищрения вам не помогут. Вы запишете нужный факт на листке бумаги и затеряете листок. Положите свою запись на самое видное место письменного стола – и все же не заметите ее.

Итак, два основных момента – логическая необходимость детерминирования психической жизни вообще, навязчивость случайных действий в частности – заставляют нас предположить, что все эти действия являются следствием определенных причин, нам неизвестных.

Анализ наиболее типичных случайных действий подтверждает нашу мысль.

Половина учеников класса забыла (я говорю об искреннем забывании) свои ручки дома. Школьное расписание покажет, что им предстоит неприятная письменная работа. «Случайная» забывчивость так или иначе избавляет их от этой неприятности.

Один из моих знакомых получил письмо из дома – крайне огорчившее его, так как родители жаловались на бедность и просили помощи. Письмо это он немедленно затерял. Все поиски были совершенно безрезультатны. Когда через некоторое время пришло другое известие, из которого видно было, что дела дома поправились (помощи уже не просили), – немедленно нашлось и затерянное письмо. Лежало оно на весьма видном месте в середине ящика рабочего стола.

Здесь также «случайное действие», случайная потеря письма устраняла целый ряд неприятных ассоциаций².

Особенно интересными для нас будут характерные случаи забывания названий, иностранных слов. Искомое слово вертится у нас на языке, но что-то мешает его вспомнить, произнести. Опять-таки остается то впечатление, которое дает нам внимательный анализ любой обмолвки или забывчивости. Каждое случайное действие является случайным, непонятным только для посторонних, иногда при поверхностном подходе и для самого автора. На самом же деле ошибочное действие всегда вытекает из определенной, как раз для него данной причины, причины, нам неизвестной. Первобытный человек, встречаясь в процессе познания с неизвестным явлением, приписывал это явление действию другого человека, только больших

² Ниже я покажу, что процесс творчества дает возможность автору художественного произведения учесть свои бессознательные переживания. Вот почему каждое положение психоанализа может быть иллюстрировано большим количеством примеров из нашей литературы. Механизм обмолвок просвечивает в «Пиковой даме» Пушкина, Герман думает только о трех картах (тройка, семерка, туз): «Его спрашивают, который час. Он отвечает – без 5 минут семерка».

размеров – бога. Молнию он объяснял влиянием бога грома, болезнь – влиянием злого бога, врага. Придется и нам, вступая в новую, неведомую область, уподобиться первобытному человеку. Мы вынуждены предположить, что каждый из нас носит с собой другого человека, другое сознание. Это второе сознание, второе наше Я мешает нам работать, вызывая ошибочные действия, заставляет забыть определенный факт, вместо одного слова подсказывает другое.

Картина довольно фантастическая. Зато, если бы нам удалось показать эту двойственность человеческого сознания, существование бессознательных, нам совершенно неизвестных сил – всю нашу психическую жизнь мы уяснили бы целиком. Вместе с этим был бы перекинут мост к пониманию того, что сейчас объединяется под общим названием сверхъестественного, невозможного и что взятое вне плоскости нашего сознания станет и естественным, и возможным.

Отойдем немного от темы. Гипнотический сон, «гипноидные состояния» сейчас общеизвестны. Для нас интересны случаи так называемого постгипнотического внушения. Если во время гипнотического сна мальчику прикажут после пробуждения уронить карманные часы, – приказание будет в точности исполнено. Проснувшийся, находящийся в полном сознании мальчик, подержит в руках часы, неожиданно уронит их и разобьет. На вопрос, зачем он это сделал, он ответит: «Так... нечаянно».

И тот же самый мальчик, когда разобьет какую-либо вещь в нормальном состоянии, забудет исполнить весьма важное дело, тоже скажет, что он это сделал «так... нечаянно...».

Мы, таким образом, можем установить вполне отчетливую аналогию между «случайным действием» и гипноидным состоянием. В гипноидном состоянии человеком руководит извне помещенная тенденция, находящаяся вне сферы его сознания и потому бессознательная. Остается сделать вывод о наличии у вполне здорового человека таких бессознательных сил. Через «случайные действия» эти бессознательные силы и оказывают то или другое влияние на нашу психику, то есть на всю нашу жизнь³.

Вспомним факт, отмеченный нами раньше. Случайные действия совершаются нами главным образом тогда, когда мы взволнованы, рассеянны. Наиболее яркие примеры ошибочных действий, а, следовательно, и действия бессознательных сил, мы найдем у невротиков (нервнобольные всегда взволнованы, всегда рассеянны). Вот почему психоанализ вырос из терапевтической практики врача-психиатра. Именно психотерапия, где правильный подход дает соответствующий положительный эффект в здоровье больного, смогла практически обосновать молодое научное течение.

Около 30 лет назад тогда еще молодой врач, ученик Шарко, а сейчас профессор Зигмунд Фрейд, лечил одну истеричку. Среди симптомов⁴ один «забытый факт» появился совершенно недавно. Больная однажды увидела, как из ее стакана пила грязная собачонка. Стакан можно, конечно, вымыть. Больная постаралась воспоминание *вытеснить* из своего сознания; но надломленная психика не выдержала, вытесненное всплыло, только в другой форме, поддающейся объяснению. Больная не могла ничего пить. Жажда ей приходилось утолять фруктами. После долгой психоаналитической работы, то есть, систематически проводя психологический анализ всех имеющихся данных, Фрейд удалось установить следующее. Пациентка не могла ничего пить, и тем самым ей не приходилось обращаться к запачканному стакану⁵.

³ В романе Степняка «Андрей Кожухов» герой отправляется на убийство Александра II. Под влиянием подавленного инстинкта самосохранения он забывает, что уже поздно, и приходит после условленного срока. «Андрей механически шел своей настоящей дорогой, но мысли его были далеко. Поглощенный ими, он не заметил, что пешеходы, которых он до этого опережал своим скорым, хотя и неторопливым шагом, теперь обогнали его. Бессознательно он замедлил ход... Только у Пантелеймоновской церкви у него мелькнула мысль, что он как будто идет медленнее, чем следует. Он посмотрел на часы... сердце перестало биться на секунду от ужасного открытия: он опоздал».

⁴ Симптом нервнобольного – это определенное, навязчивое, непонятное для него самого действие, соответствующее нашим «случайным действиям».

⁵ Сама терапия психоанализа состоит в том, что пациент осознает подавленное переживание. Бессознательный комплекс

Недостаток места заставляет меня ограничиться одним примером. Мы видим, что ошибки, обмолвки, забывания здоровых, симптомы больных – есть результат действия подавленного, вытесненного из сознания неприятного психического материала.

Самый феномен «вытеснения» психоанализ понимает как *конфликт* между биологическими запросами личности и объективно-социальными условиями. Представление, которое не может быть принято сознанием, определяемым современной объективной обстановкой, удаляется в бессознательное. Взаимодействие этих двух частей нашей психики и дает динамику психической жизни. Построив теорию бессознательного, выйдя за пределы сознания, Фрейд не перешел границ науки. Наоборот, эти границы были расширены им. В материал, который подлежал обработке человеческой мысли, он включил все переживания этого человека. Тем самым была исправлена основная ошибка Канта. Ноумены, лежащие вне плоскости нашего времени и пространства, подлежат нашему изучению уже по одному тому, что у нас есть представление о них.

Во всяком случае, если бессознательное и зависит от сознания (даже противоположно ему), то появиться оно может легче всего при ослабленной деятельности сознания. А у каждого из нас бывают состояния, когда сознание его абсолютно не работает, и, следовательно, для действия бессознательных тенденций открывается полный простор. Это – сон. Нарождается вопрос. Если вы объясните все наши обмолвки и забывания, если вы сводите их к каким-то определенным бессознательным тенденциям, то попробуйте-ка объяснить, не впадая в черную и белую магию, ту массу нелепостей, которая ежедневно нам снится в виде так называемых «снов».

Вопрос поставлен правильно. Сновидения предоставляют психоанализу новую область работы, и именно здесь, на столь скользкой почве, психоанализ развивается в точную и стройную систему.

С точки зрения биологической *сон* представляет собой полнейший отдых от окружающей жизненной борьбы. Спящий уходит в себя. Работа психики понижается до минимума. Даже по внешней форме (свернувшись под одеялом в клубок) мы во сне напоминаем существо, еще не тронутое жизнью – ребенка в утробе матери. Ясно отсюда, что всякое психическое переживание, как мешающее нашему отдыху, является во время сна лишним. Вот почему сновидения должны всегда вызываться чем-нибудь посторонним, каким-либо раздражениями – внутренними или внешними.

У меня есть интересная запись, из которой видно, как шум мотора, заводимого под окном, вызвал у спящего несколько разрозненных снов:

- 1) он занимает очень важный пост и едет по городу в автомобиле;
- 2) город взят неприятелем, и дом его обстреливается пулеметами;
- 3) он с некоторыми из своих знакомых катается в Крыму на моторной лодке.

Можно было бы привести еще ряд подобных снов, вызванных плохим положением тела, давлением одеяла и пр. Путем анализа собственных сновидений легко выяснить, что часть их довольно успешно может быть сведена к внешним раздражениям. Правда, тут возникает целый ряд сомнений. Во-первых, почему одно и то же раздражение (в вышеприведенном примере шум автомобиля) у одного и того же спящего вызывает совершенно различные сны. И, во-вторых, чем объяснить те всевозможные сновидения, которые снятся без всяких внешних раздражений.

Ответ ясен. Кроме внешних раздражителей, имеются еще и внутренние. Поскольку, как мы видели, во время сна сознание наше не работает, мы опять приходим к действию тех же сил Бессознательного, которые мы нащупали раньше.

Вспомним гипноидные состояния. Когда мальчик исполнил приказание, полученное им во время гипнотического сна, он не мог рассказать, что с ним было во время этого сна. Но мы уверены, что это знание у него где-то есть, – загипнотизирован был именно он, – но воспоминание лежит вне его сознания. Точно так же и у спящего можно обнаружить те тенденции, которые проявились в его сне. Поскольку тенденции эти бессознательны, проникнуть к ним мы сможем лишь с помощью особого метода.

Механизм образования сновидения в общих чертах представляется таким образом. Подавленное и бессознательное переживание прорывается в сознание. Покой спящего нарушен. С помощью «дневных остатков», то есть драпируясь в воспоминания ближайших дней, бессознательное переживание претворится в сновидение.

Мне недавно была прислана схема сна, строение которого может быть названо типичным.

Молодой человек ложится спать после бурной ссоры со своей знакомой. Желание его завершить научный спор, обозвав ее при прощании «дурой», вытесняется, конечно, в Бессознательное. Заранее можно сказать, что этот комплекс «дура», объединяющий ряд аффективных бессознательных переживаний, попытается во время сна проникнуть в сознание⁶.

Около 5–6 снов, которые приснились ему в описываемую ночь, все вертелись вокруг образов «каменный». Ему предлагают читать лекцию о каменном веке; он сотрудничает в «Каменном журнале»; читает объявление «Каменное И-во Каменная Новь». Попытки после пробуждения объяснить навязчивость образа «каменный» успеха не имели. При анализе удалось установить следующий ход ассоциаций.

Каменный:

- остатки каменных орудий, которые он видел в Крыму;
- груды камней, которые он видел, возвращаясь из Крыма;
- латинское слово *lapis* (камень);
- рассказ Чирикова, в котором фигурирует фраза «*lapis dura est*» (камень тверд).

Комплекс «дура» сам по себе всплыть не мог; он ассоциировался с давно забытой фразой «*lapis dura est*». И в этом виде сознание его не приняло. Каждый раз, когда бессознательный комплекс стучался в сознание, туда проникал лишь *lapis* и образовывал новое «каменное» сновидение. Подавленный психический феномен дал о себе знать, но кружным и довольно длинным путем⁷.

Вышеприведенный анализ вплотную подвел нас к проблеме толкования сновидений. Предположите, что какой-то хищный зверь был у вас во дворе и исчез. Либо вы по последствиям его пребывания догадаетесь, с кем имели дело, либо же пойдете по следам. Точно так же приходится поступать, когда мы имеем дело со снами. Спящий обычно не может объяснить ни значения всего сна в целом, ни смысла его отдельных элементов. Пациенту предлагается принять за отправную точку определенный элемент сна (в разобранным случае слово «каменный») и сообщать все, что будет приходить ему в голову по этому поводу. Здесь, правда, мы встретимся со странным явлением. Когда будет найден ряд незначительных ассоциаций, и мы подойдем вплотную к комплексу – бессознательному комплексу – психических переживаний, которые обусловили данный сон, мы испытаем странное сопротивление. Что-то мешает больному разобраться в основной причине его сна. Это сопротивление и есть сила Бессознательного, лежащего вне контроля нашего сознания и обуславливающего как «случайные действия», так и сны. Иначе говоря, психоаналитический подход устанавливает в каждом сне две его части: *явное* содержание сна, которое мы понимаем, в котором разбираемся, и содержание *скрытое*,

⁶ Сознание наше определяется окружающей средой и подавляет все, что не совпадает с требованием этой среды. Вот почему, наиболее резкие бессознательные тенденции в бодрствующем состоянии всегда вытесняются.

⁷ Что касается *формы* сновидения, то вся она, конечно, целиком зависит от переживаний истекшего дня. «Лекция», «издательство», «журнал» вызваны дневной работой спящего.

бессознательное, вызвавшее появление этой явной части сна, но смысл которого станет ясен лишь после описанной работы.

Я приведу несколько примеров психоаналитического «Толкования снов».

Наиболее отчетливо проскальзывает подавленное желание в детских сновидениях. Если ребенку снится, что наступили его именины, к празднованию которых мать приготовила очень вкусное угощение; если он во сне «сколько угодно» катается на лодке, то происхождение сна нам понятно и анализа не требует.

Сновидение взрослых сложнее.

Молодая девушка едет в автомобиле. Рядом с ней мужчина, лицо которого в тумане. Цепь ассоциаций, вызванных автомобилем, приводит к воспоминанию о поездке старшей сестры с мужем в таком же точно автомобиле.

Сон выражает желание быть на месте старшей сестры.

В техническом отношении интересен следующий сон, приснившийся подростку лет 16–17. В первой половине сна он символически занимается онанизмом. А во второй – хочет заняться воровством. Впрочем, ранее он должен был вообще разрешить вопрос – можно ли воровать?

Сон зрительными образами выражает мысль подростка, что заниматься онанизмом так же плохо, как и воровать.

Вместе с тем обнаруживается желание ближе познакомиться с половой проблемой.

Из сновидений, разобранных самим Фрейдом, характерно следующее: больному немцу снится, что его скупой брат застрел в ящике. По поводу ящика ему приходит в голову слово «шкаф» («Schrank»). Во сне проявилось его мнение, что брат слишком ограничивает себя («Schranksich sein»). Литература укажет нам еще неограниченное количество проанализированных снов. Поскольку задачи моей статьи состоит не в изложении всей теории психоанализа, а лишь в том, чтобы отметить основные его положения, будем считать установленным, что в сновидении претворяются наши определенные бессознательные тенденции. Поскольку эти тенденции бессознательны, проникнуть к ним обычным путем невозможно. Только прекращение контроля сознания и наблюдение за потоком «свободно приходящих» нам в голову мыслей даст нам возможность установить силы, которые проявились в данном случае⁸.

Коль скоро Бессознательное входит в общую динамику психической жизни, бессознательные силы имеют возможность в значительной степени влиять на нашу жизнь. Далее, Бессознательное несравненно шире сознания, узкое поле которого тесно замкнуто в непосредственной объективной обстановке; оно в состоянии фиксировать и учитывать неограниченное количество отдельных элементов. Следовательно, знакомство с ним, хотя бы с помощью толкования снов, может предохранить нас от очень больших жизненных ошибок и неудач⁹.

Здесь необходимо провести резкую границу между научным подходом к делу и простым суеверием. Поскольку мы анализируем наши *собственные* случайные действия, мы вправе делать любые выводы. Если, собираясь на какое-либо важное мероприятие, вы сначала затеряете необходимые документы, потом будете долго и безуспешно искать куда-то положенную шляпу, наконец забудете название улицы, куда нужно идти, – можете смело оставаться дома. У вас есть что-то, что мешает вам выйти из дома. Это желание не участвовать в предприятии,

⁸ Жизнь двойственна: наш сон свой мир имеет... Обширный мир действительности дикой, Встающие в нем грезы дышат, плачут, Блаженствуют и мучатся; они На добрый дух кладут свои оковы, Снимают гнет с недремлющих забот, Двоят нам жизнь и делают частью И нас самих, и наших всех часов. (Байрон, «Сон», пер. И. Гербеля)

⁹ До сих пор учтены только самые поверхностные моменты спиритизма и телепатии. Если впоследствии нам придется действительно встретиться с явлениями метафизическими, то есть лежащими в другой плоскости четвертого измерения, то сознательно изучить эти явления мы можем только через Бессознательное. Ибо бессознательные переживания также не подчинены законам нашего времени и пространства. В данное время нам достаточно явления энергетического контакта с бессознательным миром объекта.

вами подавлено, не сознается как бессознательное. Все же оно сможет прорваться во время самой работы и пагубно отразиться на исходе задуманного дела¹⁰.

В этом смысле отчасти прав был древний римлянин, который отказался от задуманного похода, споткнувшись у порога или нечаянно уронив меч, когда садился на коня. Прав был и тот жрец, который, растолковывая сон Александра Македонского, предсказал ему взятие Тира, прав был постольку, поскольку во сне Александра он разобрал непреклонное, хотя и бессознательное желание не отходить от стен города, пока он не падет.

Ошибка суеверных людей в том, что они вместо анализа своих собственных психических переживаний анализируют переживания существ, которые ни в каком психическом контакте с людьми не состоят. Перебежала ли кошка вам дорогу, встретили вы похороны – всё это объективные факты, с которыми отнюдь не сталкивается ваша судьба. Само собой разумеется, мнение наше о противоречивости бессознательных желаний спящего вызовет много возражений.

Дама, видевшая во сне умирающего мужа, скажет: «Неужели можно предположить, что я хочу смерти моему мужу?».

«Как могли вы сказать, что я желаю гибели своей семье?» – спросит человек, который, действительно, всю свою жизнь посвятил этой семье.

Абстрактный теоретик-рационалист просто скажет: не может быть, чтобы в душе человека заложено было столько отрицательных побуждений.

И все же возражения эти отнюдь не опровергают положения психоанализа. Достаточно обратиться к любому общественному процессу, выбрасывающему сознание человека из наезженной колеи, хотя бы к последней империалистической войне. Неужели тысячи зверств и жестокостей, зафиксированных в 1914–1916 годах, были бы совершены, если бы в глубине души каждый солдат не был бы к ним предрасположен?

Тут нам станет понятным, почему сновидения зачастую принимают такой нелепый характер; почему для выражения наших желаний, хотя бы подавленных, приходится пользоваться такими неясными путаными образами.

Мы видели уже, что сознание человека зависит от идеологии всего общества, от современных ему производственных отношений. Всё, что не соответствует этим производственным отношениям, в сознании пройти не может; если же и проходит («каменное» сновидение), то в измененном, замаскированном виде. Психическую инстанцию, которая проводит эту защиту сознания от бессознательных желаний, мы называем «цензурой сновидений». Роль ее, таким образом, сводится к задержанию или маскированию тех наших желаний, которые с точки зрения общества являются недопустимыми.

Я приведу пример этой работы цензуры. Мальчику снится сон. Скрытое содержание его – «мать у хлебной печи» («Хлебная печь» является резким сексуальным символом). Явная часть сновидения после обработки его цензурой: «Мать на столе, около нее вода, огонь, мука». Недопустимый образ «хлебная печь», был, таким образом, изменен почти до неузнаваемости.

Завершая обсуждение сновидений (выводы из психоаналитического изучения его выходят за пределы этой статьи), я остановлюсь еще на одном моменте. В снах проявляются наши бессознательные желания. Поскольку человек представляет собой определенную биологическую единицу, можно предположить, что основные бессознательные тенденции у людей одни и те же, и, кроме того, что для выражения этих тенденций цензура будет пользоваться одними и теми же образами. В действительности мы и видим ряд образов, имеющих определенное, раз

¹⁰ Вспомните плеяду ошибочных действий, которые мешали гоголевскому городничему выйти из дома встречать Хлестакова. Он забыл шпагу, шляпу. Дело в том, что бессознательно городничий – старый опытный служака николаевской Руси – не мог не чувствовать, что что-то неладно в обстоятельствах, окружающих нового ревизора. И если бы он, посчитавшись с этими своими бессознательными желаниями, остался отдохнуть дома и послал бы навести справки о Хлестакове, – мы, может быть, лишились бы величайшего произведения нашей литературы, а сам Сквозник-Дмухановский избавился бы от очень больших неприятностей.

навсегда установленное, символическое значение. Смысл того или иного символа устанавливается путем сравнения данных, взятых из снов же, разговорного языка (многие символы прочно укрепились в обыденной речи), из мифов. Миф, народная сказка в точности соответствуют по своему строению сну. Если сон – фантазия человека, то миф – фантазия народа. Когда данный образ имеет в древних мифах свое определенное значение, когда это же значение он сохранил в языке некоторых народов, когда, наконец, анализ снов открывает за ним такое же значение, только тогда мы рассматриваем его как символ. Понятно, что встреча в сновидении символа – образа, имеющего определенный скрытый смысл, – значительно облегчает задачу толкования. Каждый психоаналитик знаком со значением наиболее часто встречающихся символов – дома, комнаты, оружия, движения вверх по лестнице, преследования, полетов по воздуху, падения и т. д. Достижениям психоанализа в этой области посвящена обширная специальная литература, и излагать их здесь нет смысла.

Я резюмирую. В результате анализа случайных действий и снов мы убедились в двойственности нашего сознания, в существовании так называемого бессознательного мира. Мы выяснили, что Бессознательное проскальзывает к нам в виде обмолвок, забывания здоровых, симптомов больных, но ярче всего проявляется оно в снах. Мы установили, что «случайное действие», сновидение есть *изживание* нашим сознанием бессознательных сил. Они представляют собой те лазейки, по которым Бессознательное прорывается в нашу сознательную жизнь и на которых его можно проследить и узнать.

Остается выяснить структуру и развитие этих неизвестных нам сил. Если окажется, что в их основе лежит биологическая природа человека, его бытие, мы попытаемся указать новые пути, по которым бытие человека может определить его сознание. Тем самым мы включим психоанализ в более мощную, уже социологическую систему.

II. Теория *libido*

Развитие человеческого индивидуума, как и простейшей клетки, определяют две основные тенденции. Первая – потребность питания, голод. В плоскости социальной она соответствует инстинкту личного самосохранения. Второй основной момент нашей жизни – потребность размножения, которая с точки зрения общественной совпадает с инстинктом сохранения рода.

Голод удовлетворяется нами сравнительно регулярно. В большинстве случаев объективные условия не настолько тяжелы, чтобы нам приходилось вытеснять из своего сознания желание, связанные с потребностью в питании.

Что же касается стремления к продолжению рода, так называемому «*libido*», то – мы знаем это из обыденной жизни – общество употребляет все усилия, чтобы эту личную потребность сжать, подавить, повести по определенному *обществом* намеченному пути. Все, что не соответствует интересам коллектива, признается «безнравственным» и вытесняется из сознания. Отсюда ясно, что содержание нашего Бессознательного (психических переживаний, не принимаемых сознанием) составляют главным образом либидинозные тенденции, связанные с половым чувством, с инстинктом сохранения рода. Через этот последний *libido* и представляет источник большинства психических моментов социального порядка. Ибо, как было указано, половое чувство связано со стремлением к сохранению не отдельного индивидуума (это – задача голода), а своего рода, социального целого.

Поскольку под *libido* мы подразумеваем базис большей половины наших психических переживаний, в высшей степени интересно будет воспользоваться психоаналитическим методом и проникнуть в этот бессознательный, но столь важный для нас мир.

Основной вопрос: *откуда* появляются те запросы полового влечения, которые мы вынуждены вытеснять, и *когда* это вытеснение происходит?

Со всеми нами происходит одно весьма странное явление. Хотя, казалось бы, оно несравненно занимательнее и крупнее какой-либо обмолвки, внимания мы уделяем ему ровно столько же. Это – так называемая «инфантильная амнезия», забывание впечатлений детства. Какой бы хорошей памятью вы ни обладали, из переживаний детства в возрасте до 5–7 лет у вас в памяти остается очень незначительное количество. Пара отчетливых воспоминаний о каких-либо особо крупных моментах заставляют вас восторгаться своими выдающимися умственными способностями. А где же вся жизнь ребенка? Где то богатство впечатлений, которые искрящимся потоком проходят через – не всегда золотое, но все-таки богатое – детство ребенка? Ослабела память, слишком много лет протекло?

Но, если вам пятьдесят лет, вы отчетливо помните, что было с вами в двадцать лет, то есть тридцать лет назад. А когда вам только двадцать лет и с времени детства протек вдвое меньший срок – 15 лет, вы никак не можете вспомнить те события, пережить которые вам пришлось ребенком в пять лет.

Вспомните «случайные действия» – забытые ручки, письма, иностранные слова, с которыми у вас были связаны неприятные эмоции. И в данном случае придется предположить, что все переживания детства вышиваются нашим сознанием на очень неприятной психической канве. Вот почему впоследствии они вытесняются в Бессознательное, вот почему проникнуть в детство и ответить на все нами ранее поставленные вопросы смог только психоанализ. Достижения его я изложу здесь в готовом виде. Много труда было потрачено на их проверку, на координирование с современными данными науки. И все же в общих чертах историю развития libido, бессознательных половых желаний, мы представляем себе такой же, какой ее изобразил свыше 20 лет назад Зигмунд Фрейд.

Когда ребенок рождается, то основные стремления, которые будут им руководить в будущем, имеются уже налицо. Грудной младенец обладает и голодом, и половым влечением. Пути для удовлетворения своих желаний он вынужден избирать несколько особые. Первые годы жизни ребенок находится всецело под властью принципа удовольствия, «lust-prinzip». Он счастлив своими собственными переживаниями, признает лишь то, что ему необходимо. И если, удовлетворяя свой голод, он вынужден считаться с объективными условиями (пищу он получает извне), то при удовлетворении libido ему достаточно личных психических переживаний. Он счастлив, чувствуя отдельные члены своего тела, счастлив, когда прислушивается к растительным процессам, происходящим в этом его Я. Таким образом, первой стадией развития сексуальности человека является стадия аутоэротическая. Ребенок испытывает удовольствие от переживаний отдельных, чисто животных, но всё же его собственных жизненных процессов. Отсюда вытекает и образование «эрогенных зон» – частей тела, раздражение которых дает сексуальное наслаждение. Этими зонами у ребенка являются «оральная зона» (область губ, с помощью которых он принимает пищу) и «анальная» (играющая роль при освобождении кишечника). Кормилицы, няньки отлично это знают. Младенец зачастую сосет грудь матери или пустую соску, когда уже сыт. На испытываемое при этом удовольствие указывает тот факт, что воспитательницы успокаивают грудных детей, когда дают им пососать что-нибудь. Точно так же процесс удаления переработанной пищи растягивается маленькими детьми по усмотрению.

Аутоэротическую фазу, фазу самоудовлетворения, замыкает *нарцизм*. Ребенок отчетливо сознает все свое тело в целом, ни о чем не думает, кроме самого себя, смело противопоставляет свое Я окружающему миру. Иначе говоря, половое влечение он фиксирует пока на самом себе.

Наступает момент (4–5 лет), когда libido начинает постепенно освобождаться от нарциссических переживаний. Личность ребенка покинута им. Libido ищет новые, внешние объекты. Ближе всего ребенку его родители. Нет ничего удивительного в том, что новый объект сексуального чувства у детей – их мать, которую они чаще всего видят, которая им наиболее близка. Любовь к матери и близким объектам (братьям, сестрам) ничего общего не имеет с половым

чувством взрослого. У ребенка сильны еще «эрогенные зоны», которые мы отметили выше; половые органы не развиты; удовлетворение он испытывает всем своим телом. На этой ступени развития половое влечение соответствует нежному чувству, совершенно не имеющему узкосексуального характера, которое обычно называют «платоническим». Когда впоследствии libido у взрослого человека примет законченные формы, в него войдет необходимым компонентом и это чувство¹¹.

В этом же возрасте, о котором я говорил, наступает особый период, период скрытого развития libido. Пока организм созревает, готовится выступление на первый план половых органов и вместе с ними место первоначальной неопределенности, ярко очерченных половых признаков. Ребенок начинает чувствовать окружающую социальную обстановку, ее обычаи и требования. На первый взгляд, вместо *lustprinzip* выдвигается *realprinzip*. Образуется новая психическая инстанция, соответствующая совести взрослых, «цензуре сновидений» спящих, «категорическому императиву» Канта, «табу» дикарей и учитывающая интересы исключительно объективной реальности. Все, что в будущем сможет угрожать благополучию общества – воспоминания о детских эрогенных зонах, переживания сексуального влечения к матери – все это признается недопустимым, «безнравственным», вытесняется из сознания, *забывается* и впоследствии дает энергетический источник тем бессознательным силам, о которых шла речь в 1-й главе.

Подходит последний этап – стадия половой зрелости, созревание половых органов человека. Период скрытого развития libido закончен. Ребенок освобождается от авторитета родителей. Вырвавшееся на свободу половое чувство физиологически опирается на наши гениталии и приобретает определенно чувственный характер; вместе с тем оно включает в себя необходимой составной частью тот комплекс более ранних переживаний, которые мы назвали «платоническим чувством»¹². Комбинация эти двух компонентов и образует «любовь». Подавленные переживания детства вытеснены безвозвратно. Они могут проявляться в сновидениях, могут давать материал для наших «снов наяву» – фантазии. Бессознательное нормального человека проходит в реальную жизнь лишь как сублимированное, то есть тогда, когда подавленные желания личности ею хоть и не осознаются, но все же энергия их может быть отщеплена и употреблена на создание социальных, общественно полезных ценностей.

В некоторых случаях даже вытесненные воспоминания жизни ребенка могут оказать значительное влияние на всю нашу жизнь. Объясняется это тем, что то или другое воспоминание слишком ярко для нашей психики, слишком фиксирует на себе наше внимание.

Приведу ряд примеров.

«Аральная эрогенная зона» непосредственно связана с явлениями «мазохизма» и «садизма». Садизм (удовольствие от причинения раздражения) соответствует мускульным усилием детей повлиять на ход очищения кишечника. Желание продлить данный процесс и сопровождающее его наслаждение вызывает внимательное и бережливое отношение маленьких детей к их выделениям. Процесс сублимирования превращает такого ребенка в человека с общей скупостью. Скупость всегда носит оттенок садизма, так как вытекает из одного бессознательного сексуального источника¹³.

¹¹ Воспоминания о первых ступенях развития могут всегда всплыть. Многие из мужчин при выборе объекта своей любви руководствуются материнским образом. Вертер (Гёте) полюбил Шарлотту в тот момент, когда она кормила детей и была наиболее похожа на его собственную мать.

¹² Положение психоанализа о двух моментах развития libido нашло подтверждение в последних работах Штейнаха.

¹³ В «Скупом рыцаре» Пушкина сексуальность скупости заменена процессом накопления полового удовлетворения, заметна в начале второй сцены, в словах старого барона: «Как молодой повеса ждет свидания С какой-нибудь развратницей лукавой, Иль дурой, им обманутой, так я... Весь день минуты ждал, когда сойду В подвал мой тайный к верным сундукам...». А садизм скользит в другом монологе того же скупца: «Нас уверяют медики: Есть люди В убийстве находящие приятность. Когда я ключ в замок влагаю, то же Я чувствую, что чувствовать должны Они, вонзая в сердце нож: приятно И страшно вместе...».

Наиболее ярко претворяется в реальной жизни самый сильный момент в развитии *libido* – эдипов комплекс (любовь сына к матери и вытекающее отсюда желание отъезда, смерти отца). Эта группа бессознательных переживаний не только отражается на всей нашей жизни, не только обуславливает большую часть нервных заболеваний, но имеет еще мало изученное и весьма заметное влияние в области филогенетического развития, развития рода.

Поскольку развитие отдельного человека повторяет развитие человечества в целом, каждая стадия *libido* соответствует определенной ступени в истории человеческого рода.

Нарцизм ребенка соответствует анимизму первобытного дикаря. Как нарциссический ребенок уверяет в своей мощи, во всемогуществе своих желаний, так и первобытный человек считает, что он может заклинаниями (желаниями, облегченными в словесную форму) произвольно влиять на свою судьбу. Так же, как ребенок мерит мир на свой аршин, на все смотрит с личной точки зрения собственного Я, так и дикарь руководствуется исключительно субъективными переживаниями минуты. И тот, и другой – «дитя момента», нарциссическое дитя, может мы добавить.

На следующей стадии развития *libido*, как было указано, отщепляется от личности ребенка. Первыми объектами его любви становятся родители. В развитии рода этому эдипову комплексу соответствует *религиозное* чувство общества. Положение это требует некоторых доказательств.

Первой религиозной системой, имеющей достаточно определенные формы, чтобы можно было подвергнуть их исследованию, является *тотемизм*. Краткая характеристика тотемизма такова: тотем – животное, которое считается предком племени. Тотем передается по женской линии. Тотем нельзя убивать («табу»). Товарищи по тотему не могут вступать в половое общение («тотем экзогамии»).

Проникнуть в основные моменты, послужившие причиной образования данной религиозной системы, сейчас трудно. Приходится воспользоваться аналогией с явлением, нам уже известным. Поскольку психоанализ главным образом разработал вопросы строения неврозов, мы должны будем обратиться к невротикам, ведущим себя так же, как первобытный поклонник тотема.

Среди всех «табу», дамокловым мечом висящих над членами тотемистического общества, часто встречаем так называемое «табу прикосновения». Нельзя касаться животного тотема. Нельзя прикасаться к вождю. Более того, строжайше запрещено прикосновение к вещи, которая была в руках вождя.

Вот запись из обычаев племени Maïori:

«Вождь Maïori не стает раздувать огонь своим дыханием, потому что его священное дыхание передало бы его священную силу огню, огонь – горшку, стоящему в огне, горшок – пище, готовящейся в нем, пища – лицу, которое ее ест, и, таким образом, должен был бы умереть человек, съевший пищу, сварившуюся на огне, раздутом священным дыханием вождя».

А вот пример, так называемой «боязни прикосновения» нервных больных, страдающих «навязчивыми действиями».

Пациент требует, чтобы кинжал, купленный и принесенный в его квартиру, был выброшен. Дело в том, что такой же формы оружие он видел у дяди одного своего товарища. С товарищем этим он сейчас не хочет иметь ничего общего. Поэтому он не хочет видеть и кинжал, похожий на тот, который был у дяди этого товарища.

Как видим, оба случая совершенно аналогичны. Смысл данных симптомов нам сейчас ясен. Боязнь прикосновения, *déire de toucher*, нервных больных всегда имеет амбивалентное, двойственное происхождение. Больной поэтому боится притронуться к тому или иному предмету, что этим он маскирует свое бессознательное желание воспользоваться данным прикос-

новением для своей определенной, преступной с социальной точки зрения цели. У первобытных народов нет законов, которые запрещали бы им биться головой о скалу. Для этого у них нет соответствующих поползновений. И если при всем своем уважении к вождям, мертвецам, тотему дикарь не может даже прикоснуться к ним, мы имеем основание сделать вывод о двойственном характере «табу». Прикосновение запрещено, так как имеется поползновение совершать агрессивные действия, причинять вред именно тому, что объявлено «табу» и что пользуется видимым уважением¹⁴.

И поскольку таким образом страх дикаря перед тотемом скрывает бессознательное враждебное к нему отношение, очень важно для нас установить, какой бессознательный смысл имеет этот тотем, олицетворяющий все племя, устанавливающий незыблемые законы, пользующийся неограниченным уважением и такой же ненавистью.

Опять нам поможет сравнение с нервными заболеваниями. Некоторые из нервнобольных страдают непонятным страхом перед определенными животными. Терапевтическая практика психоанализа установила, что эти «фобии» представляют результат перенесения бессознательного враждебного чувства к отцу. Мальчик испытывает влечение к матери, желает стать ей самым близким человеком, то есть мужем. Если этот эдипов комплекс недостаточно подавлен и больной вынужден с ним считаться, он фиксирует свои бессознательные переживания на постороннем объекте, на животном. Тот или иной вид животных для нервнобольного является символом отца; страх перед ним есть страх перед отцом.

Здесь вспомним, что и тотем всегда олицетворяется в каком-нибудь животном, что поклонение тотему прикрывает страх перед ним первобытного человека, бессознательное враждебное отношение к этому тотему. Сопоставив ранее изложенные факты, мы придем к выводу, что тотем-животное есть символ, заместитель *отца*,

¹⁴ Эту вполне искреннюю двойственность, бессознательное, плохое отношение, прикрытое хорошим и наоборот, мы и сейчас очень часто встречаем в литературе и жизни (отношения Овода в романе Войнич и Монтанелли).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.